

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212372-381>

Исследовательская статья

Акиева Петимат Хасолтовна
д.и.н., профессор
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия
petim@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ ЭПИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЮНОШЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ЦЕННОСТНЫЙ КОНТЕКСТ ИХ СОВРЕМЕННОГО БЫТОВАНИЯ

Аннотация. Духовно-нравственное воспитание молодежи на основе традиционных ценностей сегодня определяет основной вектор политики государства. В стратегических документах защита традиционных ценностей обозначена как «неотложная необходимость». Находя свое самобытное проявление в духовной сфере, сегодня традиционные ценности образуют единое культурное пространство многонациональной страны. Защита традиционных ценностей от компрометации со стороны иных культур актуализирует тему воспитательно-исторического наследия как важнейшего ресурса. В этой связи тема культурно-воспитательного потенциала народного фольклора, в том числе и нартского эпоса, только повышает свою актуальность. Научная цель прослепает в сфере обсуждения проблемы содержательности в современной северокавказской жизни нравственных ориентиров, отраженных в нартском эпосе и национальных моделях воспитания. Методология исследования строилась на принципах диалектического осмысления воспроизводства традиционных ценностей в рамках социализации и индивидуализации личности. Аксиологический подход позволил определить нравственные доминанты должного, механизмы передачи ценностного опыта и поведенческие модели образцового. Настоящее время традиции воспитания, как и само содержание нравственно-ценностных ориентиров, передаваемых веками из поколения в поколение, подвергаются эрозии. При сохранении верности традиционным семейным ценностям, поколенческой и гендерной иерархии современные реалии иллюстрируют изменение ценностных ориентиров среди юношей: амбиции и личностное утверждение уже не подчинено принципам общего блага. Тренд на самореализацию по принципу индивидуальной пользы на фоне распатанных механизмов «назначения» социумом образцов для подражания приводит к постепенной потере преемственности в традиционном воспитании.

Ключевые слова: воспитание; ценности; нарты; уважение; гармония; ответственность; современность

Для цитирования: Акиева П.Х. Традиционные практики эпического воспитания юношей на Северном Кавказе: ценностный контекст их современного бытования // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 2. С. 372-381. doi.org/10.32653/CH212372-381

© Акиева П.Х., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH212372-381>

Research paper

Petimat Kh. Akieva,
Dr. Sci., Prof.
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia
petim@yandex.ru

THE NART EPIC AND YOUTH EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS: VALUES IN CONTEMPORARY CONTEXT

Abstract. The contemporary trajectory of state policy is significantly shaped by the spiritual and moral education of youth, grounded in traditional values. Safeguarding these values is explicitly identified as an “urgent need” in strategic national documents. Originating within the spiritual domain, traditional values now forge a unified cultural landscape across a multinational nation. The imperative to shield traditional values from external cultural compromise underscores the critical importance of educational and historical heritage as a vital resource. This context heightens the relevance of the cultural and educational potential embedded in folk folklore, particularly the Nart epic. This study aims to explore the moral principles reflected in the Nart epic and their manifestation within national educational models in the contemporary North Caucasian context. The research methodology is rooted in a dialectical understanding of how traditional values are reproduced through individual socialization and individuation. An axiological approach was employed to identify the predominant moral imperatives, the mechanisms by which valuable experiences are transmitted, and exemplary behavioral models. Despite centuries of intergenerational transmission, traditional educational practices and moral guidelines are currently undergoing erosion. While adherence to traditional family values, generational hierarchy, and gender roles largely persists, modern realities reveal a shift in value priorities among young men, where personal ambition and self-assertion increasingly supersede the principles of the common good. This burgeoning trend towards self-realization, driven by individual benefit and coupled with weakened societal mechanisms for establishing role models, progressively undermines the continuity of traditional education.

Keywords: education; values; Nart epic; respect; harmony; responsibility; modernity

For citation: P.Kh. Akieva. The nart epic and youth education in the North Caucasus: values in contemporary context. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 2. P. 372-381. doi.org/10.32653/CH212372-381

© P.Kh. Akieva, 2025

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Введение

Наукой признано наличие в фольклоре глубинных экзистенциальных и исторических смыслов, имеющих первостепенное значение для любого этноса. Они уходят вглубь самой сущности, отражают нравственные требования и ценности народа [1, с. 9–36]. Трансляция культурно-значимой информации посредством эффективной социализации индивидов определяет устойчивость этноса. В данном случае речь идет об этнической социализации, позволяющей, с одной стороны, транслировать нормы, ценности, образцы поведения и другие бытийные основы этноса, с другой – воспроизвести их в будущих поколениях через интериоризацию. Эпос в этом плане хранит в себе социальные и нравственно-этические идеалы, которые определяют ценностное поле этнической культуры.

Культурно-ценностный потенциал и проблема воспитательного ресурса нартского эпоса рассматривалась в трудах А. Шегрена, В. Миллера, П.К. Услара, М.М. Ковалевского, Лопатинского Л.Г., Харузина Н.Н., Б.К. Далгата, В.К. Гарданова, Ж. Дюмезиля и др. [2; 3; 4; 5; 6; 7] Исследователи, сосредотачивая свое внимание, как правило, на определении истоков и мотивов эпических сюжетов, их связей с ритуалами, солидаризируются в значимости педагогики нартского эпоса. В контексте нашего исследования представляет интерес другой аспект функционирования воспитательной традиции, а именно ключевые принципы и механизмы передачи ценностного опыта в нартском эпосе, а также их современное отражение в жизни северокавказских народов, которые исторически входили в его ареал бытования.

На законодательном уровне традиционные ценности, лежащие в основе российского общества, определяются как нравственные ориентиры¹. Очевидная актуальность проблемы традиционных ценностей и механизмов их формирования, отличающая социальную и политическую жизнь современной России, позволяет выйти за рамки культурологических подходов. Уместно проследить на сколько повседневное поведение северокавказских народов сегодня ориентировано на традиционную систему ценностей с учетом того, что традиционные общества на Кавказе перестали существовать к исходу XIX в. Потенциал межпоколенной передачи посредством воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей личности, обеспечивающий эффективность системных этнических связей, задает вектор представленного исследования.

Конечно, северокавказским народам, представляющим устойчивую (по крайней мере к XV в.) социализационную систему, пришлось пережить беспрецедентное воздействие в конце XIX в. (военно-политическое, приведшее к утрате общественно-политической автономии) и в течение всего XX в. (модернизационное антитрадиционалистское), в результате чего произошло во многом ослабление внутренних регулирующих механизмов и изменение модальности социальной коммуникации. Другими словами, можно ли утверждать, что эпические предостережения о гибели горского общества в следствии нарушений экзистенциально-этических традиций горского воспитания оправдались?

Достойное поколение

Направленность эпического воспитания на формирование достойного поколения, способного своими деяниями только приумножать славу и доблесть предков, транслируется как высшая божественная благодать. Этот ключевой нартский императив, обеспечивающий жизнеустойчивость нартского общества, символически выражен в образе древа жизни (адыг.: *дышгъэ чгыгы/дышгъэ жыг* – золотое дерево; балк.: *алтын тал/алтын терек* – золотая ива/золотое дерево и др.). В мифологической схеме символ мирового древа актуализирует представления нартов о жизни через продолжение рода.

Продуцируемая деревом, как сакральным центром пространства, связующим миры, символическая преемственность жизни определялась его свойствами передачи знания. Это свойство наглядно проявляется, например, в обращении Жыг-Гуашгъэ к богу огня и кузнечного дела Тлепшу: «... если ты хочешь знания, я тебе дам; мои корни – в глубине земли, поэтому я знаю все, что находится наверху» [8, с. 34–47]. Мировое дерево (и его символические аналоги в виде горы, золотой цепи, лестницы и др.)

1. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (Дата обращения: 12.05.2024)

выступало не только хранителем знания, но и вершителем судеб. В кавказской нартиаде обладающие знанием (первосущества, боги, мудрецы и т.д.) выполняли миссию посредников между мирами. Обладание знанием наделяло этот символ кавказской мифологии способностью осуществлять правосудие. Так, например, к золотой цепи из ингушского нартского эпоса «при любых возникших тяжбах люди ходили ... и там разрешали свои споры...» [9, с. 235]. В поэтическом тексте мотив обладания плодами (яблоками) мирового древа «становится символом борьбы за познание тайн мироздания и употребления их во благо человечества» [10, с. 111]. Собственно, бессмертие, приносимое яблоками священного древа, есть аллегорическое бессмертие, которое следует рассматривать как продолжение жизни через многочисленных потомков. Здесь наглядным примером может быть то, что даже семечки волшебного яблока способны рождать жизнь (так, одна из семи жен старого богача Чандза, съев семечки яблока, рождает сына Суая [11, с. 27–37]).

Проводя параллели с современной северокавказской действительностью, при всем религиозировании и модернизации общественных отношений, и, в частности, семейных, в недрах которых происходит трансляция духовно-нравственных ценностей, все еще прослеживается патриархальная приоритетность здорового мужского потомства, «неукоснительность авторитета старшего поколения» [12, с. 41], продолжается действие поколенческих иерархий, когда «отцы» решают судьбы «детей», сохраняется гендерная иерархия – старшинство мужчины, значимость знания, как гаранта прочности социальных позиций.

Показательны в этом плане социологические исследования. Так, в 2021 г. при возрастающем значении современных нравственных ценностей (индивидуализм, свобода, творчество и самореализация) в противовес традиционным (семья, дети, близкие, друзья, патриотизм, коллективизм) были подтверждены значимость для кавказской молодежи родственных связей и стремление к сохранению национальной культуры и истории, «гордость за свою страну и ее защита» [13, с. 75, 76, 82]. Социологическое исследование среди кавказской молодежи, проведенное в конце 2022 г., в числе фундаментальных смыслов выделяет семью, понимаемую в патриархальном контексте, с преемственностью и многодетностью, приоритетом чести, достоинства, верности семье и слову².

Сохраняется трепетное отношение в вопросах индивидуальной чести и верности слову. Так, интересно свидетельство, в котором Рамзан Кадыров указывает на клятву, данную им на могиле отца, ликвидировать все бандитское подполье: «Я молил Всевышнего продлить мои дни, пока я не выполню свой ДОЛГ и не сдержу СЛОВО. Теперь, когда придет мое время, не страшно и умереть»³. Клятвы на фамильных кладбищах традиционно использовались в адатном судопроизводстве.

Уважение

Воспитание достойных определялась в эпосе как сверхценность, как ответственность перед будущим и признание выполненного долга. Старшие должны были являть собой личностный образец, в первую очередь отец, как главный воспитатель сына [14, с. 16]. Символично, что нарт Берза Дог (инг.: волчье сердце) получает обучение у трех братьев: медведя, кузнеца и их старшего брата пастуха. Это три ключевые существа иного мира, среди которых древнейший хтонический персонаж пастуха-великана, обладающего магией знания.

Старшинство в горском сознании есть универсальный экзистенциально-этический принцип, абсолютная мудрость, понимаемая амбивалентно как мудрость, данная/переданная свыше (божественное знание) и как опытное знание, в значении некоего человеческого искусства, умения [15, с. 15–20]. Если божественное знание бесконечно, то умения человека теряются с истощением биологических ресурсов. В связи с чем, достойное окончание жизни нарта – это смерть в бою, иной исход вызывал презрение к старикам. Такие практики, когда старики, потерявшие силу, уничтожались или становились «посмешищем для всего народа», отмечены в осетинском⁴, балкаро-карачаевском [16, с. 702] и др. эпических

2. Исследователи презентовали карту ценностей российского Кавказа //URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/12/28/19378891.shtml> (Дата обращения: 24.04.2024)

3. Кадыров исполнил клятву на могиле отца и не боится умереть. 20 января 2021 г. //URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2021/01/21/kadyrov-ispolnil-klyatvu-na-mogile-otca-i-ne-boitsya-umeret.html> (Дата обращения: 24.04.2024)

4. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Дарьял. 2003 /URL: biblio.darial-online.ru/text/Abaev_V_I/index_... (Дата обращения 12.05.2024)

материалах. В мусульманскую эпоху на семантическую структуру концепта «мудрость» легко наложились ее исламское понимание в значении божественного знания, «пути, ниспосланного Аллахом для человечества» – Корана [17, с. 60–61].

Особой школой для нартов были общие сходы – общие места собраний. «Подобный общественный центр назывался у осетин ныхасом (нихасом), у адыгов – хасой, у чеченцев и ингушей – пхьобьга, у карачаевцев и балкарцев – ныгышем (ныгыш), у аварцев и даргинцев – годехъаном, у лезгин – кимом (гимгой) и т.д.» [14, с. 63]. Социологический портрет таких общественных мужских центров включал в себя не только регулирование жизни и проведение досуга, но и воспитание. Это была площадка, где молодые горцы в зависимости от ситуации могли проявить моральные качества, свои этические навыки и нормы поведения. Здесь они могли наблюдать и слушать авторитетных лиц и перенимать народные знания.

Плохое потомство является условием дискретности в преемственности нравственно-ценностного материала. В этом случае обязанность старшего поколения следует считать не выполненной хотя бы в силу того, что ведущим механизмом усвоения групповых ценностей и норм поведения, перевода их в категорию личностных смыслов является подражание. Об этом свидетельствуют многочисленные этнографические данные: «младшему не покажешь достойный пример, то и сам не жди от него почтения» [18, с. 79], «кто прислушивается к советам своего старшего, у того дело продвигается вперед» [19, с. 90] и т.д.

Именно поэтому в представленном Богом выборе между искоренением рода или жизни с плохим потомством, нарты решают: «чем оставить плохое потомство, лучше остаться совсем без потомства» [20, с. 114]. Выбор нартов вполне очевиден: славная почетная смерть лучше жизни в позоре, многократно множась нарушениями традиционных норм поведения. Данный мотив гибели нартов в большей степени соответствует социальному измерению, в котором на первый план выдвигается этическая категория ответственности за будущее.

Показательны предостережения о возможности деструкции общества вследствие пренебрежения опыта старших: «когда одна веточка просит срезать не ее, а другую веточку – это означает, что придет время, и люди ради сохранения себя будут жертвовать даже своими близкими родственниками. А когда щенки начинают лаять прежде своей матери, это значит, что придет время, когда молодые будут пренебрегать старшими, будут пытаться опережать их в разговорах и делах...» [21, с. 143]. Разрушение преемственности в передаче бытийных основ этноса (неуважение старших) есть нарушение ключевого качества этнофора.

В этом отношении, современные тенденции в северокавказских семейных отношениях, в частности, к пожилым родителям, заставляют серьезно задуматься. Так, например, в недалеком прошлом практика создания домов престарелых на Северном Кавказе была неприемлема. Сегодня, тем не менее, уже работают приюты для престарелых в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее. В Чечне еще с 1966 г. в г. Грозном был открыт дом престарелых, но чеченцы как жильцы появились здесь только в 1994 г., в виду известных событий. Но за последние годы количество проживающих чеченцев в нем достигло половины⁵, также как и увеличилось количество приютов подобного типа⁶. В Ингушетии в этом году планируют в рамках центра социального обслуживания пожилых людей в г. Малгобек открыть специализированное отделение для «лиц, которые остались без присмотра родственников»⁷. Значит существует потребность в такой помощи, которая определяется в том числе и изменением ценностных ориентиров среди молодежи вообще. Соответственно, уже можно наблюдать зачатки дискретности межпоколенческой связи, связанные с размыванием ключевого принципа кавказского воспитания – уважения старших. Такой вектор движения связан не сколько с финансовой неудовлетворенностью, но в большей степени с известной религиозной практикой (ваххабизм) отрицания любых обязательств невестки по отношению к родителям мужа⁸ [22, с. 169]. В результате пожилые родители

5. В Грозном работает дом престарелых в духе кавказских традиций // URL: https://www.1tv.ru/news/2006-08-28/220484-v_groznom_rabotaet_dom_prestarelyh_v_duhe_kavkazskih_traditsiy?ysclid=lwardiarmz322091334 (Дата обращения: 17.05.2024).

6. В Чечне открываются приюты для престарелых // URL: <https://www.newsinfo.ru/news/2003-01-18/item/551297?ysclid=lwarti bnqr914615175> (Дата обращения: 17.05.2024)

7. В Ингушетии откроют в 2024 году новый центр социального обслуживания пожилых людей // URL: <https://tass.ru/obschestvo/16437419?ysclid=lwaqehzz77542616827> (Дата обращения: 17.05.2024)

8. Так, например, в Республике Ингушетия, впервые в стране были легализованы салафитские мечети, имамы которых наравне с другими служителями (основная масса населения суфийской общины практикует кадырийский тарикат) получают зарплату.

мужа вычеркиваются из числа ее родственников и остаются без поддержки (так как считается, они не относятся к категории родственников, с которыми нельзя порывать родственные связи).

Определенную роль общественных центров сегодня играют родовые встречи (созывы советов тейпа). Однако, пользуясь средствами интернет-ресурсов, представители родов практикуют публичные выступления и обращения настолько часто, что это выхолащивает авторитет слова старейшин. Кроме того, сложилась практика дублирования общественных организаций общереспубликанского уровня (в Ингушетии, например, помимо родовых советов тейпов, следует назвать Совет тейпов ингушского народа (ликв. в 2019 г.), Совет тейпов при Главе РИ, Национальный Совет Народа Ингушетии, Народный совет Ингушетии), что приводит только к разрушению механизмов «назначения» социумом образцов для молодых людей.

Продолжают свою работу сельские сходы. Они также потеряли свою функцию общественного центра, где собирались обменяться информацией или какими-то новостями, обсуждали проблемы общественной жизни или разрешали конфликтные ситуации, т.е. они потеряли свой воспитательный контекст. Сегодня сельские сходы включены в систему местной власти. Они созываются, либо стихийно собираются как правило для обсуждения земельных вопросов.

Следующий ракурс проблемы состоит практически в отсутствии авторитетов, способных сегодня взять на себя миссию образца для подражания (за исключением Чеченской Республики, но это уже другой вопрос). На фоне расшатанных механизмов «назначения» социумом образцов для подражания, попытками подмены традиционных (и в некоторых регионах религиозных) институтов государственными, формализмом следования старшим поколением традиционным нравственным и религиозным канонам, юноши ищут авторитеты вне своей семейно-родовой или религиозной общины, а подчас и в сетевом обществе. Такая ситуация, в разной степени, но присутствующая в регионе, открывает возможность подмены традиционных ценностей иными, выходящими за рамки северокавказских этнокультур.

Ответственность

Окрасить пространство личными качествами, возможно, было в первую очередь посредством ума, силы и благородства. «Хевсур учит своего сына и велит ему быть храбрым, неустрашимым воином, считать врагов отца своими собственными и мстить им; приятелей же и друзей отца считать своими друзьями...» [23]. Со временем кавказские народы сложили четкие системы морально-этических норм: ингушский «эздел», когда авторитет приобретался отличием по уму, богатству (многочисленности мужской ее части) и благородству [24, с. 147], этический кодекс «кьонахалла», нравственной основой которого стала идея «совершенного человека», «благородного мужа» [25, с. 69], карачаево-балкарский «ёзден-адет» (узденская традиция), постулирующий внутреннюю свободу и благородство человека, способного преодолеть испытание судьбы [26, с. 16–17], «адыгагъэ» – свод традиционных правил поведения и нормы этикета [27, с. 59] и т.д.

Во всех морально-этических системах кавказских народов присутствует этика ответственности за решения и деяния. Она же транслируется в кавказской нартиаде.

Идея ответственности раскрывается через концепт судьбы, как совокупности славы и прегрешений предков. Это то, что, по народному убеждению, предопределяет поведение и характер горца и задает предстоящие испытания и успех. Так, в ингушской нартиаде достойно принять судьбу – значит проявить настоящее мужество [24, с. 135]. Мужчина (нарт/джигит/кьонах) принимает все удары судьбы, ясно осознавая свое право выбора между добром и злом. В этом главный принцип социума «поступать не так, как я хочу, а так, как правильно».

В современной молодежной среде сохраняется тренд на желание самореализации, который, к сожалению, не находит выхода в ситуации заблокированных социальных лифтов этноклановостью и непотизмом. Сложившуюся проблему на государственном уровне пытаются решить через инициирование социальных практик, например проект «Наставничество» [28], предполагающий объединить известных выходцев из СКФО для работы с талантливой молодежью, уже имеющий серию программ и ряд

проведенных форумов⁹, однако их целевая направленность на подражание «успешности» в политике, бизнесе, спорте¹⁰ или ином карьерном росте без духовно-нравственной составляющей национальной культуры приобретает утилитарный характер. Конечно, стремление к получению знаний остается активным среди северокавказской молодежи, однако пессимизм вызывает высокий уровень зависимости трудоустройства от наличия влиятельных родственников¹¹.

Гармония

Педагогический идеал, транслируемый в нартском эпосе, включает в себя гармонию физических и социально-нравственных качеств личности. Если физическая составляющая состояла в формировании воина, охотника, певца и танцора, то поведенческая стратегия нарта включает в себя ценности благородства, знания, честности, ответственности, красноречия и творческой активности. Социальная практика, фиксируемая в конце XIX в., вторит эпическим образцам воспитания. Так, в своих наблюдениях о жизни черкесов Дж. Лонгворт отмечал «три качества, которые в этих краях дают человеку право на известность – храбрость, красноречие, гостеприимство...» [29, с. 516]. По определению М.М. Ковалевского «стойк-храбрец, способный на любой подвиг» у всех горцев означало «джигит» и было высокой похвалой [30, с. 182]. «Быть известным джигитом-храбрецом (инг.: кант, адыг.: шууей и др. – прим. П.Х.) ... – есть высшая награда его желаний и трудов» [31, с. 48], или «особым уважением пользуются “джигиты”», люди отважные, отчаянные, ничего не боящиеся» [32, с. 245–246]. Ю.Ю. Карпов, проводя анализ мужских союзов и социокультурной традиции горцев Кавказа, выделял в идеальном образе джигита/молодца необходимость сочетания «не только безмерной отваги, но в равной степени и благородства» [14, с. 89]. Гармония этих качеств в герое ярко показана в ингушском сказании «Спор, разрешенный в царстве мертвых», в котором бог иного мира Элда заключает: «Не из одной храбрости состоит оно (мужество. – прим. П.Х.) и многое вбирает: рассудком определяется мужество» [33, с. 55]. Необходимо обратить внимание на познавательную активность героев сказаний: поиск ответов, разрешение ситуации посредством логических рассуждений, смекалки или быстрой реакции.

Воспитательная цель была направлена обязательно на гармоничное сочетание физического (военное искусство) и духовного (овладение искусством красноречия, игры на музыкальных инструментах, этикетных и обрядово-ритуальных правил) в юноше. Она считалась достигнутой при прохождении им обрядов инициации, в то время как приобщение к статусу «джигита» связывалось с совершенствованием полученных знаний и навыков [34].

Свидетельства середины XIX в. сообщают, что уважение и почетные звания в горском обществе при постулируемом равенстве приобретались «богатством, ловкостью и заслугами (удачами в набегах)» [35]. В конце XIX в. Н.Ф. Дубровин к вышеобозначенным сущностным качествам для подражания причислил ум, строгое соблюдение оснований религии, пост, молитвы и различного рода благотворительность [36, с. 451]. Этический ряд, определяющий традиционное воспитание северокавказских народов, следует продолжить такими категориями как справедливость, благородство, гостеприимство, бесстрашие, верность, честь, взаимопомощь, взаимоуважение, почтительность, выдержка и способность жертвовать собой ради общего блага.

Общественная практика воспроизводила эпический образ: амплу мужчины – герой, удалец, приумножающий славу своих предков. Чрезвычайную значимость в горском обществе имело приобретение индивидуальной славы, ради которой «джигит был готов пойти буквально на все». Ю.Ю. Карпов отмечает, что в образах нартского эпоса нашла яркое выражение персонализация героя. Так, применительно к образу богатыря-нарта Сосруко часто используется эпитет «одинокий»: «неистовый наездник одинокий, одинокую собаку с собой имеющий», «всадников-спутников с собой не берущий и одиноко разъезжающий» [14, с. 76]. Одиночество героя – характерная черта большинства нартов. Например,

9. Всероссийский форум наставников – 2023 // URL: <https://pravitelstvo.kbr.ru/news/vserossiyskiy-forum-nastavnikov-2023-obedinit-luchshie-praktiki-skfo.html> (Дата обращения: 23.04.24)

10. Молодежи нужны новые герои для подражания, считает глава Северной Осетии // URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/molodezhi-nuzhny-novye-geroi-dlya-podrazhaniya-schitaet-glava-severnoy-osetii?ysclid=lvjmq8ejs2506086980> (Дата обращения: 20.04.2024)

11. Молодежь Северного Кавказа: традиции и современность // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-severnoy-kavkaza-tradiczii-i-sovremennost?ysclid=lwastk9cuv876974072> (Дата обращения: 17.05.2024)

«адыгский эпос и фольклор сохранил имена таких одиноких рыцарей: знаменитый Андемиркан, Бора, Хатх-Мыхамат, Дохшукко Бгуншоков, Лыко сын Ельхо, братья Ешаноковы» [37, с. 11].

Символика одиночества героя включает в себя необходимость постоянного подтверждения своей самости: ломая старые социокультурные нормы, он вынужден восполнять нарушенное такими действиями равновесие. Он обрекает себя на сознательное одиночество – путь воина, приумножающего славу предков. Одиночество здесь можно рассматривать как вариант жертвенности, которую приносит герой во имя общего блага.

Таким образом, гармония присутствовала не только в сочетании моральных и физических достоинств нарта /горца, но и в сбалансированном соразмерном существовании всех членов общества. Это общая практика архаического социума: чрезмерная витальность силы также вредна. Так, известны в сложившемся северокавказском институте героя случаи его умышленного убийства или изгнания, в виду чрезмерной славы, авторитета и богатства. В балкаро-карачаевской нартияде, когда кузнец Дебет «обеспечил нартов на земле всем, что им было нужно из железа, и нарты уничтожили с его помощью эмегенов, он... сделал железную арбу с крыльями и улетел на ней на небо» [38, с. 597]. В социальной среде общая тенденция таких действий определялась сглаживанием процесса экономического расслоения горских обществ. Так в «Илли об Автархе, сыне Дибы» герой добровольно принимает на себя высшую меру наказания – изгнание из родного края за «чрезмерную храбрость», красоту, отвагу, несущих потенциальную угрозу «праву и силе» общины [39, с. 48]. Даже в начале XX в. имелись подобные прецеденты, например, в обществе Малхиста умышленное убийство молодца, особо прославившегося своим удальством [40, с. 39].

Настоящее время упростило этический ряд, в том смысле, что целеполагание нравственных поступков уже не определяется общим благом. Современная индивидуализация жизни скорректировала вектор нравственного поведения, ограничив его рамками семьи. Личностное самоутверждение детей слагается в традиционном ключе, в случае наличия в семье авторитета отца. На фоне трансформирующихся обрядово-ритуальных практик, складываются сложности в гармоничном воспитании подростков/юношей (как правило приоритет отдается индивидуальной славе в какой-то одной сфере общественной деятельности, практически потеряно искусство традиционного красноречия и т.п.).

Заключение

Совокупность педагогических задач, иллюстрируемых нартскими сказаниями, была нацелена на создание совершенной личности соответственно историческому этапу социально-экономического развития общества. Социальные проявления творческих навыков (в танце, песне, игре на инструментах), духовных (красноречие, знание этикетных и обрядово-ритуальных правил и нравственных норм) и физических качеств относились к числу обязательных достоинств нарта/джигита/героя. В основе доминантных принципов социализации нарта/джигита/героя лежали в первую очередь воспитательные методы приобщения юношей к этико-культурным канонам через авторитетный пример для подражания и общественную практику героического. Они включали в себя приобретение индивидуальной славы в первую очередь не как самодостаточной единицы, а при условии общественной пользы и законности с точки зрения обычного права. Соответственно, амбиции и личностное утверждение юноши было в подчинении принципам общего блага. Этому способствовали механизмы воспитания в горских обществах – подражание, личный пример, уважение мудрости старших. В поведенческой стратегии современных молодых людей традиционное приобретение славы трансформировалось в достижение утилитарного успеха. Усиливающийся сегодня тренд на индивидуализм и самореализацию на фоне расшатанных механизмов «назначения» социумом образцов для подражания, современная этноклановость, потерявшая традиционную основу выдвижения знающих, опытных авторитетов, способных на «подвиг» ради общего блага народа постепенно приводит к поиску авторитетов вне национальной культуры и к потере культурной преемственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Б.М. Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу // Художественный фольклор / под ред. Ю.М. Соколова. 1929. Вып. 4–5. 226 с.
2. Услар П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Отдел 1. Тифлис, 1868.
3. Миллер В.Ф. Дигорские сказания. 1902. 160 с.
4. Гарданов В.К. Аталычество // Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973. 21 с.
5. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М. 2004. 239 с.
6. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886
7. Дюмезиль Ж. Осетинский героический эпос и мифология. М. 1976. 276 с.
8. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Социальная организация в нартском эпосе // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 34–47
9. Радость сердца. Фрунзе, 1957. (На инг. яз.).
10. Мамиева И.В. Мифолого-религиозные представления осетин: поэтика отражений // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2009. Ч. 2. С. 108–113.
11. Сказание о рождении Суая // Памятники народного творчества осетин. Владикавказ. В 2 выпусках. Вып. 1. 1925. С. 27–37
12. Мусаева М.К., Хасбулатова З.И. Некоторые традиционные обычаи и обряды чеченцев и народов Дагестана, связанные с родами // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 4. С. 35–42
13. Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Общероссийская гражданская идентичность молодежи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // Политекс. 2021. Т. 17. №1. С. 69–86
14. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб. 1996. 309 с.
15. Акиева П.Х. Архаика и семантика понятия «фарал» в культуре ингушей // Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 25-летию образования Республики Ингушетия. Магас, 2017. С. 15–20.
16. Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. 1879. Т 4. Кн. 8 – 9. С. 702
17. Акиева П.Х. Феномен обычного права в этнокультуре ингушей // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 3 (38). С. 60–61
18. Возвращение к истокам. История Ингушетии в лицах и фактах // Сост. С. А. Хамчиев. Саратов, 2000. 573 с.
19. Схалыхо Д.С. Этикет и философия нартской мифологии в культурогенезе адыгов // Культурная жизнь Юга России. 2016. №3 (62) С. 88–91
20. Гибель нартов // Сказания о нартах. Ирыстон. 1981. 400 с.
21. Это приметы будущего // Антология ингушского фольклора. Сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик, 2003. Т. 1. 343 с.
22. Сампиев И.М. Социально-политическая ситуация в Республике Ингушетия: состояние и проблемы // Сборник научных статей института социальных исследований ИнГУ. Магас. 2016. С. 161–177.
23. П-ский. Из быта пшавов и хевсур // Кавказ. 1888. № 87.
24. Акиева П.Х. Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей. СПб., 2014. 292 с.
25. Ильясов Л. Культура чеченского народа. М., 2009. 263 с.

REFERENCES

1. Sokolov B.M. The latest works of foreign scholars on the Russian epic. In: *Khudozhestvennyi Folklor*, ed. Yu.M. Sokolov. 1929; 4-5. (In Russ)
2. Uslar P.K. Something about the verbal works of the highlanders. *Sbornik Svedenii o Kavkazskikh Gortsakh*. Section 1. Tiflis, 1868. (In Russ)
3. Miller V.F. *Digor Tales*. 1902. (In Russ)
4. Gardanov V.K. Atalyk (Fosterage) system. Report at the IX International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow, 1973. (In Russ)
5. Dalgat B.K. *Primitive Religion of the Chechens and Ingush*. Moscow, 2004.
6. Kovalevsky M.M. *Modern Custom and Ancient Law*. Moscow, 1886. (In Russ)
7. Dumezil Zh. *Ossetian Heroic Epic and Mythology*. Moscow, 1976. (In Russ)
8. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. *Social organization in the Nart epic*. *Mir Kultury Adygov*. Maikop, 2002: 34-47. (In Russ)
9. *The joy of heart*. Frunze, 1957. (In Ingush).
10. Mamieva I.V. Mythological-religious representations of the Ossetians: Poetics of reflections. *United Kalmykia in a United Russia: Through the Centuries into the Future. Proceedings of the International Scientific Conference*. Elista, 2009; 2: 108-113. (In Russ)
11. Tale of the birth of Suay. *Pamyatniki Narodnogo Tvorchestva Ossetin*. Vladikavkaz, 1925; 1: 27-37. (In Russ)
12. Musaeva M.K., Khasbulatova Z.I. Some traditional customs and rituals of the Chechens and peoples of Dagestan related to childbirth. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskiy Region. Obshchestvennye Nauki*. 2012; 4: 35-42. (In Russ)
13. Avdeev E.A., Vorobev S.M. All-Russian civic identity of the youth of the North Caucasus: Main challenges and risks of conflict. *Politeks*. 2021; 17(1): 69-86. (In Russ)
14. Karpov Yu.Yu. *Dzhigit and Wolf. Male Unions in the Socio-cultural Tradition of the Caucasian Mountaineers*. St. Petersburg, 1996. (In Russ)
15. Akiyeva P.Kh. Archaic and semantics of the concept of “faral” in the Ingush culture. *Education, Science and Culture of the Caucasus: Traditions and Modernity. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Formation of the Republic of Ingushetia*. Magas, 2017: 15-20. (In Russ)
16. Ostryakov P. Folk literature of the Kabardians and its examples. *Vestnik Evropy*. 1879; 4(8-9): 702. (In Russ)
17. Akiyeva P.Kh. The phenomenon of customary law in the ethnoculture of the Ingush. *Vestnik Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Novye Gumanitarnye Issledovaniya*. 2014; 3(38): 60-61. (In Russ)
18. *Return to the Origins. History of Ingushetia in Persons and Facts*. Comp. S.A. Khamchiev. Saratov, 2000. (In Russ)
19. Skhalyakho D.S. Etiquette and philosophy of Nart mythology in the cultural genesis of the Adyghe. *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*. 2016; 3(62): 88-91. (In Russ)
20. *Death of the Narts. Nart Epic*. Iriston, 1981. (In Russ)
21. *These Are Signs of the Future. Anthology of Ingush Folklore*. Comp. I.A. Dakhkilgov. Vol. 1. Nalchik, 2003. (In Russ)
22. Sampiev I.M. Socio-political situation in the Republic of Ingushetia: State and problems. *Collection of scientific articles of the Institute of Social Research of IngSU*. Magas, 2016: 161-177. (In Russ)
23. P-skiy. *From the life of the Pshavs and Khevsurs*. Kavkaz. 1888; 87. (In Russ)
24. Akiyeva P.Kh. *Birth. Wedding. Death. Historical-Ethnographic Archetypes of the Ingush*. Saint-Petersburg, 2014. (In Russ)
25. Ilyasov L. *Culture of the Chechen People*. Moscow, 2009.

26. Ёздєн А. Этический кодекс карачаево-балкарского народа / Сост., предисловие и комментарий М.Ч. Джуртубаева. Нальчик, 2005. 576 с.
27. Ханаху Р.А. Нормативно-этические представления адыгов Северного Кавказа: традиция и современность // Вестник АГУ. Вып. 2. (158). 2015. С.58-61
28. Самореализация молодёжи Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Материалы «круглого стола». 12 декабря 2017 года. М.: Издание Государственной Думы, 2018. 56 с.
29. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974. 365 с.
30. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. 112 с.
31. Берзєнов Н. Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92.
32. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. 1899. Кн. 40-41, № 1-2. С. 245–246
33. Спор, разрешенный в царстве мертвых // Антология ингушского фольклора. Т. 4. Нальчик, 2006. 488 с.
34. Акиева П.Х. Традиционные общественные институты кавказских народов: к вопросу о механизмах правового регулирования // Институт взаимопомощи: история и современность. Сост. Акиева С.И., Нальчик. 2024
35. Клингер И.А. Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 97
36. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб. 1871.
37. Хоконов М.А., Абидова И.З. Архетип одинокого героя и этнокультурная специфика персоналистского мышления в адыгской традиционной культуре // Известия Вузов Севкавказского региона. Общественные науки. 2015. № 2. С. 10-14
38. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М. 1994. 654 с.
39. Илли об Автархе, сыне Дибы и др. // Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный. 1979. 238 с.
40. Ошаев Х.Д. Народные развлечения у чеченцев // Революция и горец. 1929. № 6. С. 39
26. Yozden A. *Ethical Code of the Karachay-Balkar People*. Comp., preface, and commentary by M.Ch. Dzhurtubaev. Nalchik, 2005. (In Russ)
27. Khanakhu RA. Normative-ethical representations of the Adyghe of the North Caucasus: Tradition and modernity. *Vestnik AGU*. 2015; 158(2): 58-61. (In Russ)
28. *Self-Realization of the Youth of the North Caucasus: Problems and Prospects. Materials of the Round Table*. December 12, 2017. Moscow: Izdatelstvo Gosudarstvennoy Dumy, 2018. (In Russ)
29. *Adyghe, Balkars, and Karachays in the Accounts of European Authors of the 13th–19th Centuries*. Nalchik, 1974. (In Russ)
30. Kovalevsky MM. *Law and Custom in the Caucasus*. Moscow, 1890. (In Russ)
31. Berzenov N. *From memories of Ossetia*. Kavkaz. 1851; 92. (In Russ)
32. Borisevich K. Traits of the morals of Orthodox Ossetians and Ingush of the North Caucasus. *Etnograficheskoe Obzrenie*. 1899; 40-41 (1-2): 245-246. (In Russ)
33. *Dispute resolved in the realm of the dead. Anthology of Ingush Folklore*. Vol. 4. Nalchik, 2006. (In Russ)
34. Akieva PKh. Traditional social institutions of the Caucasian peoples: On the question of legal regulation mechanisms. *Mutual Aid Institute: History and Modernity*. Comp. S.I. Akieva. Nalchik, 2024. (In Russ)
35. Klinger IA. *Something about Chechnya*. Kavkaz. 1856; 97. (In Russ)
36. Dubrovin NF. *History of the War and Dominion of Russians in the Caucasus*. Vol. 1. Book 1. Saint-Petersburg, 1871. (In Russ)
37. Khokonov MA., Abidova IZ. Archetype of the lone hero and ethnocultural specificity of personalist thinking in the Adyghe traditional culture. *Izvestiya Vuzov SevKavRegion. Obshchestvennye Nauki*. 2015; 2: 10-14. (In Russ)
38. *Narts. Heroic Epic of the Balkars and Karachays*. Moscow, 1994. (In Russ)
39. *Illi about Avtarkh, son of Diba, and others. Illy. Heroic-epic songs of the Chechens and Ingush*. Grozny, 1979. (In Russ)
40. Oshaev KhD. Folk entertainments among the Chechens. *Revolutsiya i Gorets*. 1929; 6: 39. (In Russ)

Поступила в редакцию 05.09.2024 г.

Принята в печать 14.02.2025 г.

Опубликована 15.06.2025 г.

Received 05.09.2024

Accepted 14.02.2025

Published 15.06.2025